

НИНА ИНЯКИНА

ЧТОБЫ ЗНАЛИ И ПОМНИЛИ...

Часть 7-я:

«КАК НАУЧИТЬСЯ ЖИТЬ?»

НЕОПУБЛИКОВАННАЯ РУКОПИСЬ
ВДОВЫ ПОЭТА МИХАИЛА НЕБОГАТОВА
МАРИИ ИВАНОВНЫ
О ЕГО ДЕТСТВЕ И ЮНОСТИ

КЕМЕРОВО, 2007-2011

*Михаил Александрович и
Мария Ивановна Небогатовы*

МАРИЯ НЕБОГАТОВА

КАК НАУЧИТЬСЯ ЖИТЬ? (НЕОПУБЛИКОВАННАЯ РУКОПИСЬ ВДОВЫ ПОЭТА)*

М. Небогатова
ул. Ноградская, 8 – 36

В марте 1990 года оборвалась жизнь кузбасского поэта Михаила Александровича Небогатова. Всю свою творческую жизнь он посвятил воспеванию родного края. Он прожил далеко не лёгкую жизнь, но не считал себя несчастливым человеком. Пережил сиротское детство, юность отняла война, но трудности эти не остудили, не ожесточили его сердца, не разрушили намеченных жизненно важных планов. Ему дано было рано определить свою генеральную линию в жизни – литературный путь. И никакие трудности не смогли сбить его с намеченного пути. Мягкий, лиричный по своей природе, он был твёрд и непоколебим, когда дело касалось его принципов в делах литературы.

Пройдя с ним рядом по жизни сорок с лишним лет, я не переставала восхищаться его упорством в самообразовании, в работе. Эти качества, наверно, видели в нём и поклонники его таланта. А поклонников у него было немало. Поток писем, которые идут ко мне после смерти Михаила Александровича, – яркое свидетельство тому. Вот, например, какое письмо прислал мне замечательный русский поэт Сергей Васильевич Викулов, много лет возглавлявший журнал «Наш современник»:

«...Да, мы с Михаилом Александровичем так и не познакомились, но я с удовлетворением думаю сейчас о том, что в огромном потоке стихов, поступавших в «Наш современник», я разглядел-таки настоящее дарование и представил его русскому читателю, в первую очередь, русским, ибо он был русским поэтом.

Если есть человек /литератор/, которому он доверял, покажите ему всё, что осталось в письменном столе, отберите важное, нужное, сопроводите это статьёй, в которой, в первую очередь, был бы рассказ о поэте, о его судьбе, о его взглядах, характере, радостях и огорчениях.

Верю, что он был настоящим человеком!

И надо показать читателям: русский народ не оскудел талантами, что из его глубин выходят в литературу настоящие герои, гордые, знающие себе цену человеки.

Если такой материал будет сделан, я готов посмотреть его и помочь в публикации.

Всего Вам доброго.

С искренним сочувствием к Вам в большой утрате.

С. Викулов».

*А другой замечательный русский поэт-фронтовик Валентин** Пагирев /ленинградец/ писал Небогатову: «Читал я Ваши стихи и думал: как же богата Русь талантами, как много прекрасных поэтов живёт на земле, и как слепа и глуха наша критика, которая сосредоточила своё внимание на 5-6-ти именах далеко не самых лучших поэтов и не замечает ничего вокруг... До чего же мне по сердцу Ваша серьёзная, строгая поэзия!..».*

Вот эти и другие многие письма заставили меня взяться за перо, чтобы рассказать, как сумею, о человеке нелёгкой судьбы, пройдя извилины которой он сумел сохранить необыкновенную чистоту души, человечность, доброту.

Свою работу я назвала «Как научиться жить?».

М. Небогатова.

** – обработала и отпечатала рукопись с оригинала Нина Инякина в 2007 году;*

*** – Мария Ивановна ошиблась: Пагирева звали не Валентин, а Глеб Валентинович (так, по крайней мере, его называет папа в своих дневниковых записях – см. стр. 83-ю, внизу)*

(Примечания автора-составителя)

КАК НАУЧИТЬСЯ ЖИТЬ?

Небольшой городок Гурьевск, расположившийся у самой лесной черни между Кузбассом и Алтайским краем, до сих пор похож на большую сибирскую деревню. Дома, в основном, деревянные. Единственное промышленное предприятие в городе и гордость его вот уже двести лет – металлургический завод.

Здесь, на окраине города, в старом домике с постройками для коровы и лошади Карьки, любимца всей семьи, у 45-летней Клавдии Степановны и 50-летнего Александра Алексеевича Небогатовых 5 октября 1921 года родился мальчик. Недолго думая, назвали его Мишей. В этом же году у их дочери Ираиды родилась дочь Ия. Клавдия Степановна и Александр Алексеевич от души радовались рождению сына: дочерей много, а сын пока один – Григорий. Теперь будет два. Но родители испытывали чувство неловкости – уж больно поздний, мол, ребёнок.

Клавдия Степановна, завернув мальчика, положила его на русскую печь. Дел по хозяйству много, но она то и дело с тревогой поглядывала на печь: «Что же он молчит? Не болен ли?». Но малыш просто оказался необыкновенно спокойным, молчит и молчит. Лежит себе, посапывает, никого не беспокоя.

– Господи, – говорила Клавдия Степановна, – да за что же бог наградил меня таким ребёнком на старости лет? Молчит и молчит.

– Это потому, что тринадцатый, – мрачно замечал отец. – Помнишь, Гринька какой был? Всех, бывало, на ноги подымет.

– И не говори, тринадцатый – это плохо. Храни тебя господь! – крестила она ребёнка и снова хлопотала по дому.

Никому не причиняя больших хлопот, рос Миша. Отец с утра уходил на службу на металлургический завод, где всю жизнь сводил дебет с кредитом, а мать, не покладая рук, занималась домашними делами, огородом, маленьким сыном, внучкой.

Семья была большая и дружная. Самая старшая сестра Серафима вышла замуж за американца, который приехал работать в Кузбасс, как специалист-металлург, вместе со своими родителями. Это была первая партия американских специалистов, приехавших в Кузбасс в августе 1922 года.

Вторая дочь, Ираида, тоже вышла замуж за хорошего интеллигентного человека Всеволода Богословского. Севочка, как звала его Ираида, был отличным бухгалтером, и обучил этой профессии и свою молодую жену.

Третья сестра, Екатерина, высокая, красивая певунья, готовилась выйти замуж за машиниста паровоза Зятин.

Гринька и Надюшка пока учились в школе.

По вечерам вся семья собиралась вместе. Какие это были вечера! Позднее, когда Миша подрос, он обычно после ужина устраивался около отца – такого большого, мягкого и тёплого. И мир казался ему таким же большим, тёплым и ласковым, как отец. Он знал, что скоро начнётся концерт. Этого часа он ждал целый день. Гринька, старший брат, брал свою гармонь-однорядку, Надюшка, красивая и улыбчивая, – гитару, отец – балалайку... И нет счастливее семьи. Потом отец просил: «Надюшка, спой!» И девушка пела.

«У неё талант певицы, – говорили многие. – Учиться бы этому надо». Да куда там! У отца с трудом хватало денег, чтобы прокормить семью. Не окончив школу, Наде пришлось пойти работать на тот же металлургический завод.

У Гриньки тоже немалые способности видит отец. Любую картину перерисует – не отличишь от оригинала. Всё свободное время сидит за мольбертом. На стенах висят копии с картин Шишкина, Левитана, Репина. А гармонь возьмёт в руки или балалайку – заслушаешься. А ведь ни рисованию, ни музыке не учился. Всё самоучкой. Любую мелодию на слух подберёт.

– Ну, а ты что умеешь? – ласково спрашивал отец у маленького Миши.

Тот молчит, как всегда, и влюблёнными глазами смотрит на старшего брата, который то выводит любимую песню матери «Догорай, моя лучина», то «Шумел камыш», то «Хаз-Булат», то лихую «Калинку».

А когда все разойдутся спать, отец погрустнеет и, вздыхая, заметит как бы мимоходом: «Хоть бы немного Мишутку подрастить»... Сердце всё чаще и чаще давало о себе знать.

Миша целый день сидел на русской печке и ничего не мог понять, что происходит дома: все волнуются, бегают, суетятся. Входная дверь то и дело хлопает, впуская холодный зимний пар. Приходили почти все соседи. Миша их хорошо знал. А мать целый день плакала, и даже не спросила Мишу, хочет ли он есть. А он ведь целый день ничего не ел. Так, голодным, и уснул вечером. Проснулся оттого, что мать плакала в голос. Дверь, по-прежнему, то и дело хлопала. Раздавались незнакомые мужские голоса.

Миша вылез из-под старенького одеяла, придвинулся к краю печки, чтобы лучше посмотреть, что там внизу, в избе, происходит: посреди избы неподвижно лежал отец. Он был в тулупе, но без шапки. Правая рука, на которой была надета меховая варежка, плотно прикрывала глаза. На тулупе, на пимах, на голове лежал снег. Мать, обхватив голову большими натруженными руками, причитала: «Сашенька, родименький, да за что же это? Да за что же нас так?».

Мужик, стоявший рядом с матерью, глядя на отца, рассказывал: «Всю ночь мы ездили по лесу, искали его. А к утру смотрим – лошадь, Карька, стоит. Увидел нас, заржал. Подъезжаем, смотрим, а сани зацепились за пень, вожжами обмотало ещё, – и ни с места. Александр Лексеич лежал на санях. Вот так рукой глаза прикрыл. Видно, чуял, что помирает. Так,

чтобы вороны глаза-то не выклевали... Карька весь снегом покрылся, дрожит. Он бы, конечно, привёз хозяина домой, да вот зацепился, к несчастью.

Когда, как хоронили отца, Миша не помнит. В детской памяти осталась лишь одна сцена: он на руках у Кати, приехавшей на похороны отца. Катя стоит у окна, а там по заснеженной улице несут гроб. За гробом идут люди. Впереди – вся в чёрном, до неузнаваемости изменившаяся мать. Кто-то держит её под руки.

С тех пор всё изменилось в доме. Не стало весёлых концертов. Старшие сёстры разъехались. Гринька по вечерам уходил играть в городки и долго не возвращался. А как только исполнилось 19 лет – женился. Невестка не пришлась по душе матери. «Вышла 40 за 20», – приговаривала она, и плакала. Брат с женой уехали в Кемерово. За ним, в поисках своего счастья, уехала и Надюшка. И осталась мать с малолетним сыном в своём старом, полупустом доме. То ли от старости, то ли от голода свалился Карька. Без сена корову не продержишь длинную зиму. Пришлось продать. И началась лихая вдовья жизнь, нужда беспросветная.

Миша сидел в своём уголке на печке и наблюдал за матерью. Она сильно постарела, не снимала с себя чёрный платок. Раньше всегда весёлая, остроумная, умевшая к любой ситуации подобрать то пословицу, то поговорку, она вдруг стала молчаливой, мрачной. А ещё заметил Миша, что к ней стала заходить Митрофановна, которая раньше никогда не бывала у них. Соседка была известна всем как одинокая пьющая женщина. Посидят они с матерью за самоваром, поплачут по-бабьи, а потом вдруг мать нормальным, весёлым, как раньше, голосом говорит: «Всё, всё. Я больше не плачу. Мёртвый живому не товарищ. Уходи, Сашенька, уходи». Потом ещё больше начинала плакать, пока не засыпала.

А однажды после такого «чаепития» у самовара они обе легли спать на полу. Миша слез с печки. На полу около женщин стояла бутылка. Он взял её и

вылил содержимое в стоявшую рядом деревянную лоханку, а в бутылку налил воды. Заворочалась Митрофановна. Потом тяжело приподняла голову, не открывая глаза, провела рукой по полу. Нащупав бутылку, взяла её, сделала несколько глотков и снова плюхнула тяжёлую хмельную голову на голый некрашенный пол.

Миша всю ночь просидел на лавке. К утру проснулась мать. Непонимающе глядя на маленького сына, она тоже взяла бутылку и тоже приложилась к ней. Почувствовав неладное, она с укором посмотрела на сына: «Ах ты, маленький хулиганчик, ты что наделал!». «Мамочка, – заплакал Миша, – я прошу тебя: не пей больше. Не надо! И пусть Митрофановна к нам больше не приходит. Обещай мне». «Маленький хулиганчик, маленький хулиганчик», – твердила мать. «Ну, обещаю, обещаю. Только не плачь. Родной ты мой, маленький!».

Жизнь вдвоём с матерью на мизерную пенсию стала невыносимо трудной. Пришла пора идти в школу. Но нет ни обуви, ни пальто, не на что даже купить книги. Вот и сидит он один у окна и ждёт, когда сосед Димка придёт из школы. Он обязательно зайдёт рассказать, как там в школе. Знал бы Димка, как завидует ему Миша. Весной и осенью Димка ходит в добротных ботинках, а зимой скрипит по снегу пимами.

Мать научила Мишу читать по старым истрёпанным книгам. Она много стихов знала наизусть. Особенно любила стихи Некрасова, Тютчева, Фета. Стихи, которые знала мать, выучил и Миша. Потом любовь к этим поэтам, к их творчеству он сохранит на всю жизнь.

Как-то к ним неожиданно приехала сестра Катя с мужем. В избе сразу всё преобразилось. Повеселела мать. Катя быстро помыла полы, на окна повесила белоснежные ажурные занавески, кровати застелила цветными покрывалами. Привезла подарки и для Миши. Особенно понравились ему ботинки, вкусно пахнущие кожей. Этот запах заполнил всю избу. А

мячик, о котором он даже мечтать не смел, прижал к груди и поцеловал. А потом его угощали конфетами, разными сладостями.

Вот теперь можно идти в школу. У него есть обувь, даже валенки на зиму, пальто. Одним словом, Катя одела и обула своего младшего братишку.

Закончил первый класс. Мать понимала: учить сына, обувать, одевать на скудную пенсию не сможет. И поддалась на уговоры дочерей. Те предложили, чтобы Миша жил один учебный год у Ираиды, другой – у Серафимы, третий – у Катерины. А у каждой из них были к тому времени уже свои большие семьи. Так начались скитания Миши. Поживёт у одной сестры, у другой, у третьей, то к брату поедет. У каждого из них своя жизнь, а он так – сбоку припёка. Известное дело – бедный родственник... Частенько бывало так, что приедет зять из командировки, своим детям подарки привезёт. А про Мишу забудет. При нём и вручаются подарки, а он стоит в сторонке, и от обиды сердце кровью обливается... Один раз ему очень понравился мячик, привезённый зятем в подарок своим детям. Миша попросил: «Дай поиграть!». «Вот ещё!», – обиделась племянница, что была лишь на год младше его. И вот, когда все легли спать, он потихоньку встал, нашёл в темноте заветный мячик и, не боясь темноты, вышел во двор. Поиграл мячом, подержал его в руках, погладил, словно любимого котёнка, пошёл к речке и забросил его в яму. Плакал всю ночь. Жалко было мячик, себя. Но он отомстил за себя.

Так было все годы детства: ни одежды, ни игрушек, ни книг. Ничего не было, кроме материнской ласки, которая заполняла всю его душу. Мать заменяла ему всех и всё. С нею ему было спокойно, приятно, радостно. Только скоро и он почувствовал, понял, что нищета невыносима. И мать, и он в одиночку думали о том, как дальше жить. «Надо что-то предпринимать. 16 лет. Пора работать, помогать матери», – решил он. Но как работать, где? Мать, всю жизнь бывшая домохозяйкой, не могла

посоветовать несовершеннолетнему сыну, как быть с работой. Написали письмо старшему сыну Григорию с просьбой помочь советом. «Приезжай ко мне, – немедленно ответил на письмо Григорий, – устрою на работу».

И вот по осени, оставив мать, он переезжает в Кемерово. Григорий работал в отделе главного архитектора города.

«Будешь работать техником-инвентаризатором, – сказал брат утром, на второй день после приезда. – Собирайся, пойдём вместе, познакомлю с делом».

«Вот так, – думал Миша, собираясь на работу, – а я всё-таки надеялся, что буду здесь учиться. Школу-то закончить надо».

Так началась трудовая жизнь Михаила. Целыми днями ходил от дома к дому по частному сектору города, измерял домишки, сам устанавливал степень изношенности, цены. Тут и началось его первое знакомство с людьми, их нуждами. Этот мальчик так умел слушать, что стар и млад рассказывали ему о самом сокровенном, и отклик на услышанное читали в его больших сине-голубых глазах. Они светились доброжелательностью, готовностью помочь. Через полмесяца он получил свою первую зарплату. Держал в руках несколько не новых бумажек и думал: «Вот они какие. А мать из-за них целыми днями стояла на базаре, стараясь продать выращенную на маленьком огороде морковь, лук».

Дома Миша спросил у брата, сколько он должен отдать им за питание. Брат назвал сумму. Михаил отдал брату деньги, остальные решил перевести матери. По дороге подумал-подумал, и решил купить конфет. О! Как хороши они были, купленные на заработанные деньги. Наконец-то сбылась его заветная мечта досыта поесть конфет, дать денег матери. И нет сегодня счастливее Михаила. Всё идёт хорошо. А вечером он пойдёт в библиотеку. Сколько там книг! Выбирай любую! Что бы сегодня взять? Весь вечер сегодня будет сидеть в библиотеке и

читать, читать, читать. «Сегодня я буду читать стихи!».

И опять, в который раз, вспомнил позорный случай из своей коротенькой жизни. Когда он учился ещё в пятом классе, написал стихотворение. Показалось, что получилось. Послал в «Пионерскую правду». Ответили, что писать ты, Миша, можешь, но пока тебе надо хорошо учиться, чтобы хорошо овладеть русским языком, стихосложением и т.д. Он доработал стихотворение по замечаниям и послал снова. Этот же консультант ответил, примерно, в том же духе, что и в первый раз. Мальчик был настойчив. Он внимательно изучил замечания и снова доработал и послал. Через несколько дней он купил «Пионерскую правду» и, взглянув в неё, чуть в обморок не упал: на первой странице, крупным шрифтом было напечатано... его стихотворение. Долго не мог начать читать его, надо было придти в себя. А когда начал читать, то стало совсем плохо. Заголовок его, подпись под стихотворением – его, а вот текст... чужой. То есть, были в стихотворении его слова, даже отдельные строки. Но это был зрелый стих, сделанный мастером. У Миши просто дух перехватило. По-детски, но правильно понял: «Надоел я им, решили доработать и напечатать, чтоб отвязался. Больше я им не пошлю. Не потерплю такого позора». Стихи писать не перестал, только решил пока никуда не посылать. Вот так сразу и проучили.

Стихи аккуратным почерком записывал в школьную тетрадь или попавший к нему какой-нибудь блокнот, придавал им форму книги, и складывал эти книги в укромном местечке. Здесь же рядом обычно лежал дневник, который вёл ежедневно, записывая в нём о своём житье-бытье, о друзьях, о прочитанных книгах. Здесь же вёл записи мудрых мыслей из прочитанных книг.

Друзей по школе было немного. Душа тянулась только к тем, кто любил литературу, мог часами говорить о ней. Он всем своим существом чувствовал

этих людей. Там, где мальчишки курили, лазили по деревьям, обсуждали свои конфликтные мальчишеские проблемы, там Мишу можно было не искать. Там его никогда не было. Он либо где-нибудь один, либо в узком кругу любителей поэзии. Вот ведь из всей школы выделил двоих: Владимира Качина, сына известного в городе стоматолога Качина, и Василия Цехановича. В. Качин стал потом журналистом высокого класса, В. Цеханович – писателем.

А Миша собирался стать художником. Он очень любил и умел рисовать. Иногда мать покупала цветные карандаши, краски. Миша часто уходил за город. Там, поев душистой земляники, усаживался на траву и рисовал милые сердцу пейзажи. Пройдут годы. Он станет поэтом, и опять появятся пейзажные зарисовки, но уже в стихах.

Здесь лета краткого утрата
В начале августа видна,
Как будто пламенем заката
Листва осин обожжена.

Началась новая полоса в жизни Михаила. Рано утром вставал, делал активную зарядку и шёл в чайную. Покупал сайку с куском колбасы и бутылку молока. С завидным молодым аппетитом съедал всё это и шёл на работу. А вечером – книги, книги, книги – самые большие и неизменные друзья. В них он находил ответы на многочисленные, волнующие его, вопросы, они пополняли его знания, приносили радость общения.

С большим увлечением стал заниматься на турнике. Каждое утро надевал спортивный костюм, тапочки и шёл к турнику, который соорудили с братом у дома. Среднего роста, он выглядел плотным, здоровым и стройным. Желание овладеть турником, сделать своё тело подвижным и пластичным было так велико, что он часами не отходил от своего самодельного спортивного снаряда.

– «Минька, хватит тебе мучиться, – не выдерживала иногда жена брата Маруся. – Ты

посмотри на себя – весь мокрый. Иди, отдохни». Однажды в выходной день он не отходил от турника целый день. И вдруг, к вечеру, пришёл в квартиру, согнувшись вдвое.

– Что случилось? – в тревоге спросила Маруся.

– Не знаю. Вдруг заболел живот.

– Так и знала. Так я и знала. Сорвал живот. Гринька, вызывай «скорую».

Врач, немолодая женщина, внимательно осмотрела корчившегося от боли Михаила и сказала: «Немедленно в больницу».

Когда Григорий и Маруся прибежали в больницу, Михаила везли по коридору из операционной. Он был ещё под наркозом. «Не волнуйтесь, – успокаивала взволнованных родственников женщина в белом халате, – делал сам Раппопорт. Он сказал, что ещё бы полчаса, и произошло непоправимое. Операцию сделали вовремя, профессионально. Парень он здоровый, крепкий. Всё будет хорошо».

Операция, действительно, прошла успешно, но след от неё оставался на всю жизнь.

Мысль, что мать в Гурьевске одна, не давала покоя. Но куда её взять? Брат с женой снимают одну комнату. С ними живёт и Михаил. Кровать поставить больше некуда. Да и вряд ли мать согласится жить со снохой, которую недолюбливает. Решился всё-таки поговорить с братом.

– Гриша, что если я сниму комнату и привезу сюда маму? Трудно ей там одной. Да и я без неё скучаю.

– Пусть будет по-твоему, – согласился брат. – Вот смотрю на тебя и думаю: какой ты ребёнок. Ведь тебе уже семнадцать. А ты всё – мама да стишки. Жениться пора.

– Я очень люблю маму, – с нежностью в голосе говорит Михаил. Добавляет: – И тебя тоже.

Для себя он твёрдо решил, что вот-вот привезёт мать сюда. А потом они подыщут с ней где-нибудь комнату. Но сначала надо поговорить и со снохой. Ведь она – самая главная хозяйка в доме. Но с чего

начать? Он хорошо знает с самого детства, что мать и сноха не ладят.

Маруся хорошо понимала материнскую тревогу и обиду, но ничего не могла изменить. Она слишком любила своего мужа. И расстаться с ним никогда не смогла бы.

Гриша ушёл на работу, а Маруся осталась дома. Ей что-то нездоровилось. Михаил сидел за столом и просматривал свежие газеты. Началась гроза. По небу будто катили большую бочку, и она, прогромыхав над домом, скатывалась в яму. Потом словно бочек стало больше, и они не просто катились, а разрывались с силой снарядов. Стало просто жутко. Михаил отложил газету и с волнением слушал эту музыку грозы. Маруся тоже притихла. И вдруг в открытую форточку влетел огненный шар, как небольшой огненный мячик. Облетев комнату вокруг, он так же неожиданно вылетел обратно. Обомлевший юноша не шелохнулся. И только через минуту он услышал голос Маруси.

– Михаил, ты живой?

– Живой, а ты?

– Господи, да это что же такое?

– Не знаю. Наверное, шаровая молния.

– Ой, как страшно!

– Красиво! – со вздохом облегчения сказал Михаил.

Сноха, взглянув на Михаила, спросила: «Ты, наверное, голодный?». Он знал, что если Маруся в хорошем настроении, она любит угощать, накормить всех, кто рядом. Работает она заведующей столовой и сама великолепный повар, и прямо-таки художник по оформлению стола.

«Маруся, – не откладывая, начал он, – давай маму привезём сюда». Та, непонимающе, широко открыла глаза. «Как?» – спросила она. «Навсегда», – ответил он.

Так оставлен был домик в Гурьевске, крепкий ещё, ухоженный, с палисадником под окном. И никто не помнит, когда его строил знаменитый на всю

округу кузнец-богатырь Алексей Небогатов, лихо разжёвывающий на спор стеклянные рюмки на праздничных гулянках. И не было в городе равных ему по игре в городки. Домик и поныне стоит, будто на века поставлен.

Думы о старом доме никогда не покидали Михаила. И когда ему было за сорок, когда вышло в свет несколько книжек его стихов, когда имя его было известно в Кузбассе каждому любителю поэзии, он решил съездить в родной город, поглядеть на старый дом, поклониться ему. Узнал его ещё издали. Стоит старина на улице Свободы, дом № 3. Только деревья другие в палисаднике. Нет любимого клёна, который всё время заглядывал в окно, нет черёмухи. Взошёл на высокое крашеное крыльцо. Хотел открыть дверь, но рука не поднялась. А зачем открывать? Выйдет незнакомая женщина и спросит: «Вам кого? Кто Вы?». И от этой картины стало как-то не по себе. Он тихо спустился с крыльца, так же осторожно открыл калитку и вышел. Потом напишет:

Посетив места родные,
Я подарков не привёз –
Только сердцу дорогие
Шумы-шелесты берёз.

.....

Не забыл я взять дороги,
О которые в жару
Обжигал босые ноги
Мальчуганом на юру...
Край любимый, большей дани
Я не ждал, к тебе спеша,
Небогато в чемодане,
Но зато полна душа.

Вдвоём с матерью поселились они в маленькой комнатёнке, добытой братом. Почти у порога комнаты – кирпичная печь, за которой мать, как за широкой ширмой, устроила свою узенькую железную кровать. Под окном – огородик в несколько гряд.

И зажили они, как им казалось, благополучной жизнью. Зарплаты Михаила хватало на пропитание.

Иногда даже позволяли себе купить масло и мясо. Нет-нет, да случалось, что мать на сэкономленные деньги покупала сыну что-нибудь из одежды. Непривычные к большому достатку, они были счастливы тем, что имели. Но долгое и прочное счастье никогда не сопутствовало их семье. Оно обходило их стороной, едва блеснув, как та шаровая молния. Это докажет вся последующая жизнь. Все сёстры, например, в тридцать лет остались вдовами с тремя-четырьмя детьми. И все до старости жили в одиночестве. Нескладно жилось и Григорию.

Весной 1940-го*** пришла повестка. Надо идти в армию. Матери шёл седьмой десяток. С женой старшего брата она так и не нашла общего языка.

Как-то вечером, придя с работы, Михаил сказал, что завтра уходит в армию. Уже получил расчёт.

– Возьми, мама, деньги.

– А себе?

– Я оставил на пряники и конфеты.

Утром собралась вся родня. Провожали до вокзала. Удручённая мать, ещё больше постаревшая, не сводила с сына заплаканных глаз.

– Сыночек, прости меня, что я всё время плачу, но мы, наверно, больше не увидимся. Будет война. Страшная война. В Библии так сказано. Не вынесу я. Старая стала. Прошу тебя, береги себя. Будет война! – твердила мать. И по её щекам беспрерывно текли слёзы.

Раздались какие-то голоса, и мальчишки-призывники, наскоро обняв и расцеловав провожающую родню, заторопились в вагоны-теплушки. Скоро поезд, забравший любимого сына Клавдии Степановны, скрылся из вида. И опять осталась она одна, хотя рядом старший сын со снохой, четыре дочери и целая армия внуков. А без Миши она одинока. Только он один заполняет собою всю её исстрадавшуюся душу.

Ехал Михаил в теплушке. Впервые он оказался в толпе ровесников, таких же растерянных, как он, и замкнутых. Но, как всегда бывает, с первых же минут

каждый, попавший в необычную ситуацию, начинает нащупывать свою тропинку в новой жизни, искать близких по духу себе. У одних дело идёт быстрее, у других медленней. Михаил сходилась с людьми трудно. Но уж если с кем сближался, то навсегда.

Ночью привезли в казарму. Где они, в каком краю, никто не знал. Рано утром приказали построиться. Получился длинный нестройный ряд. Все парни одеты, кто во что, лица усталые, заросшие щетиной. Вдоль шеренги, оценивающе глядя на парней, ходил немолодой капитан. Его лицо было ещё более усталым, чем у парней. И Михаилу было почему-то жалко его.

– Смирно! – раздалась команда. Новобранцы подтянулись.

– Кто закончил десять классов, шаг вперёд! – скомандовал капитан.

Строй не шелохнулся. А было в нём не менее сотни.

– Кто закончил семь классов, шаг вперёд!

Михаил сделал шаг вперёд и замер. Рядом никого.

– Разойдись! – раздалась команда. – А ты останься, – сказал капитан молодому солдату, шагнувшему вперёд.

Так стал Михаил писарем. Потом прошёл краткую подготовку, и ему было присвоено звание младшего лейтенанта. И потекла армейская жизнь у самой западной границы.

Вечером 21 июня в учебно-полевом лагере командование приказало разобрать оружие и боевую технику. Так и сделали. Спать легли как всегда. Кругом тишина, покой. А на заре слышали грохот.

– Гроза! – решили солдаты. Но гроза продолжалась слишком долго и необычно. Наконец, все вышли из палаток. Небо бороздили самолёты. Все – и командиры, и рядовые – пожимали плечами. Мол, что это всё значит, не понимаем. Грохот то отдалялся, то приближался. А где-то в полдень к командиру подбежал запыхавшийся незнакомый молодой боец, посланный неизвестно кем, и, выдохнув слово –

«Война!», – упал. Видимо, он долго бежал и выбился из сил. Через несколько минут Михаил стоял среди знакомых и незнакомых солдат и слушал, как командир говорил, мучительно подыскивая слова. Из его сумбурной короткой речи он усвоил, что надо отходить. Бежать подальше отсюда. Неожиданно началась война. Враг перешёл границу. А куда бежать, и как?

Кто как сможет. Правда, был назначен пункт сбора. Но, увы! До него почти никто не дойдёт.

Сначала Михаилу повезло. Пожилой капитан, первым встретивший новобранцев, в числе которых был Михаил, посадил его в кузов, рядом с собой, и они проехали довольно большое расстояние. До конца жизни Михаил часто вспоминал капитана и то, как он сквозь слёзы твердил, вроде для себя:

– Да что же это? Это же бегство!

А потом в какой-то деревне попросил шофёра остановить машину и сказал ему:

– Поезжай. Дальше я не поеду. Я останусь на передовой.

– Прощайте, ребята, – больше обращаясь к Михаилу, сказал он, – может быть, встретимся.

Дальше поехали без командира. И началось всякое. Где на машине, где пешком, где на случайно пойманной лошади. Так и получилось: бежали, кто как мог.

Эти первые дни войны забыть было невозможно. Одно стихотворение так и называется: «В ночь на 22-е июня».

Я представляю это до сих пор...

Был сладок сон. Тиха была казарма.

Алел восток, и на него в упор

Смотрел фашист с открытого плацдарма.

Смотрел в бинокль, высок, изящен, свеж,

Красив своею статностью спортивной...

Был берег тот не берег, а рубеж,

Простор полей – простор оперативный...

Уже мосты – места для переправ,
 Для гусениц, колёс, бегущих ног ли...
 Мир черепиц, садов, соборных глав, –
 Всё чётко, близко замерло в бинокле.
 Мы спали. И дышалось так легко.
 И нам, юнцам, ничто не подсказало,
 Что за рекой – совсем недалеко –
 Уже война
 К прыжку ждала сигнала.

Однажды Михаил и ещё двое солдат пробирались по лесной чаще. Шли вдоль берега реки – мол, она непременно выведет к селению. Лазоревое небо было ясным, солнечным и приветливым. Вроде нигде никакой опасности. Мир и благодать. Но парни устали, выбились из сил.

– Я не могу больше идти, – сказал один из них, давайте отдохнём!

– Подожди, выйдем из леса, попьём из речки, – сказал другой.

И вдруг смотрят – полянка. Вокруг небольшой лесок, а рядом тихо, ласково журчит небольшая речка, окружённая мелким зелёным кустарником.

– Какая красота! – сказал идущий впереди.

– Да, это верно! – ответил Михаил, любуясь живописной природой. – А как тебя звать? – спросил он того, кто шёл впереди.

– Вася.

– А того?

– Иван.

– А меня – Михаил. Вот и познакомились. Уж больше суток шагаем вместе, а как звать друг друга – не знаем.

Расположились. Раскинув крепкие молодые руки на зелёной мягкой траве, парни, утомлённые долгой дорогой по нехоженным лесным чащобам, мгновенно уснули. Но сон был тревожен и недолог. Когда Михаил проснулся, Иван и Василий уже сидели у маленького костра и пили согретую воду. И только тут Михаил почувствовал, что живот просто судорогой свело от голода.

И вдруг в небе послышался шум самолёта. Все трое увидели, что летит он над ними. А потом в мгновение всё смешалось в едином грохоте и тьме. Когда Михаил очнулся, то услышал чей-то тихий, со стоном, голос:

– Вася, Вася, помоги!

Михаил с трудом пошевелил руками, ногами, головой. Вроде всё на месте. Он попробовал приподняться, но в голове зашумело. Она так закружилась, что потемнело в глазах. А голос звал:

– Вася, Вася, помоги!

Михаил с трудом поднялся и, покачиваясь, пошёл на зов. То, что он увидел, было страшно. Его затошнило. Иван лежал, запрокинув голову. Его живот – рваная рана. Иван, едва шевеля руками, пытался вложить в свой живот кишки. А сам всё говорил уже посиневшими губами:

– Вася, Вася, помоги!

А Вася лежал рядом. У него не было ни рук, ни ног. Через несколько минут Иван замолчал, перестав выполнять страшную работу. Михаила охватил ужас. – Это они на дымок бросили, – запоздало подумал Михаил. – Охотятся за каждым человеком.

При помощи палки, служившей ему лопатой, валежника он захоронил своих попутчиков. Как дошёл до деревни, как подобрали его там, плохо помнит. Одна только картина стоит перед глазами: над ним склонилась женщина и, бережно подложив руки под голову, пыталась приподнять её. Он открыл глаза и встретился с её тревожным взглядом.

Жил у неё несколько дней. Она отпоила его парным молоком. Истопила баню. Подкрепив силы, он пошёл искать свою часть.

Испытания продолжались. Случалось всё. Короткие, но страшные бои и передышки, снова бои, потом тяжёлое ранение. И коренной сибиряк, только благодаря призыву в армию увидевший чужие края, оказался словно в ином мире – в грузинском городе Боржоми.

Госпиталь, в который его привезли, располагался в бывшей школе. Сёстры и врачи – грузины, плохо говорившие по-русски. Обстановка в госпитале была спокойная, приятная. После довольно тяжёлой операции быстро стал поправляться. А когда первый раз вышел во двор, то был поражён и очарован красотой пейзажа. Здание госпиталя едва виднелось среди огромных стволов сосен, а заглянешь вдаль – горы, горы, покрытые изумрудной зеленью.

Он сел у оградки и тут же, как мог, нарисовал в блокноте этот чудесный пейзаж. А на другой странице открыл цикл стихов. Правая рука была на привязи – «самолётом». Всё научился делать левой. Почерк был совсем другим, и всё-таки – его.

Едва лишь сверху из-за гор
Ударит солнце первым светом –
И сентябрю наперекор
Уж утро знойно, точно летом.

Последний раз провояет миной,
Просвищет пулей – и конец.
Над речкой, сопкой и равниной
Умрут железо и свинец.
Никто, наверно, не поверит
Счастливой яви, точно сну,
И каждый вечностью измерит
Ту фронтовую тишину.

Забуду ль я когда-нибудь,
Когда пройдёт в душе невзгода,
Про весь бредовый страшный путь,
Какой прошёл я за два года.

Обращаясь к ветру, он пишет:

Ты, всегда в желаньях властный.
 Я прошу тебя, как друга:
 Если будешь ты в Сибири,
 Где живёт моя подруга,
 Передай привет ей с юга.
 Расскажи о здешнем мире.

Но ненадолго его приветила гостеприимная Грузия. Едва залечив раны, он снова пошёл на фронт. У деревни «Зайцева гора» опять был тяжело ранен. Взяли «Заячью гору» или нет, он так и не узнал тогда. И только после войны, случайно в мемуарах какого-то генерала прочитал об этом трудном сражении и узнал, что «Заячью гору» с огромными потерями взяли наши под вечер. Так родилось стихотворение:

Случайно в мемуарах генерала
 Прочёл и вздрогнул:
 «Зайцева гора»!
 Ведь наша часть её атаковала...
 Всё вспомнил я.
 Всё было как вчера...
 Поляну мокрым снегом укрывало.
 А там, в селе, на взгорье, немчура.
 Бил пулемёт.
 Свинцом нас поливало.
 Бежали и кричали мы: «УРА-А!».
 Стучало сердце. Гром его ударов –
 В висках. И вдруг –
 всё тело обожгло.
 Померк вдали
 багровый дым пожаров.
 День снегопадом чёрным замело.
 Я лишь теперь узнал из мемуаров:
 Под вечер наши заняли село!

Правая рука после ранения была цела, но изуродована. Тяжёлая контузия тоже давала о себе знать. Комиссовали. До конца войны оставалось чуть больше года. Четыре года, четыре может быть самых прекрасных года человеческой жизни, годы становления личности, годы обретения смысла жизни у него, как и у многих его ровесников, стали самым

чёрным пятном, покрытым окровавленной пылью военных дорог. И никто и ничто не может восполнить их. Более того, они намного и потом ещё укоротят и без того короткую жизнь.

Чему они научили молодого солдата?

В первый раз после тяжёлого боя под общий смех товарищей по оружию он неумело закурил самокрутку. В первый раз, и тоже под общий смех, он глотнул из фляжки обжигающий во рту спирт. В первый раз, измученного дорогами и боями, его накормила и приласкала чужая женщина.

С чувством бессилия, невозможности что-то изменить даже в своей судьбе, он вернулся домой. И всё-таки удивлялся себе. Ни война, ни те картины, которые он видел, возвращаясь с фронта, не ожесточили его сердца. Он, как и раньше, до войны, с любовью, с открытым сердцем и с юношеской нежностью смотрел на людей, на жизнь.

Вернулся к матери с изуродованной правой рукой. Но жить можно. Два оставшиеся пальца – большой и указательный – давали возможность делать рукой многое, а главное – можно было писать. Старенькая, исхудавшая за войну, мать не сводила влюблённых глаз с сына.

– Дождалась, дождалась, – твердила она. Не думала и не гадала, что увижу тебя. Теперь и помирать не страшно.

Смерть не заставила долго ждать. Однажды вечером у матери горлом хлынула кровь. Михаил вызвал «скорую». Мать увезли. А когда утром он пришёл в больницу узнать, как её самочувствие, матери не было в живых. В стихотворении, посвящённом матери, есть такие строчки:

Мы с тобой не встретимся, родная,
Но, любовь и преданность храня,
 Попрошу людей я, умирая,
 По соседству схоронить меня.

Михаил поселился у сестры, которую ласково, как в детстве, называл Надюшкой. В свои тридцать лет она была вдовой, матерью троих детей. Жила в деревянном домике на окраине города. Комната, которую Надя отвела Михаилу, едва вмещала узкую металлическую кровать, этажерку с книгами да небольшой старинный резной стол, который служил Михаилу как письменный. Окно его комнаты смотрело на дорогу.

В военкомате предложили работать военруком в ремесленном училище. А когда Михаил с недоумением посмотрел на старого кадровика, сделавшего это предложение, тот ответил:

– Ничего, справишься. Это нетрудно.

– Я не имею понятия...

– Понятие придёт. Оно приходит, – и, не дав договорить Михаилу, подал ему направление.

Так фронтовик оказался в ремесленном училище. Здесь всё не понравилось ему с самого первого дня. И маленькие, почти по-чёрному, как баня, учебные классы, и узкие грязные коридоры, где толкались мальчишки, одетые в чёрные суконные костюмы с белыми металлическими пуговицами, и преподаватели с нахмуренными бровями, и мастера, украшающие свои разговоры с мальчишками непристойными ругательствами.

Михаил сидел в учительской и ждал своего первого урока, к которому добросовестно готовился с помощью сестры и своего друга. Волновался. Как его встретят мальчишки, совсем не похожие на школьников. Во время перемены в учительской собрались все преподаватели. Распахнулась дверь, и в комнату стремительно вошла молодая учительница, обращаясь ко всем сразу, со слезами, почти закричала:

– Нет, я больше не могу. Завтра же уйду отсюда.

– Что случилось? – спокойно спросил пожилой преподаватель, сидевший рядом с Михаилом.

– У меня во время урока из портфеля вытащили всю зарплату и карточки на хлеб. Ну, скажите, есть что-нибудь святое у этих болванов?

– Да, это уж чересчур, – заметила другая женщина.

– Вот это да! – подумал Михаил. – Во время урока, у учительницы... Непостижимо.

Он с самого детства считал, что учитель – это свято, и всегда был для него незыблемым авторитетом. А тут?

Но прозвенел звонок, и надо было идти на урок. Когда он вошёл в класс, то увидел, что перед ним не мальчики и девочки, а юноши и девушки чуть-чуть моложе него, учителя. – Наверно, им по 17-18 лет, – подумал он.

В первый день, на первом уроке, он решил рассказать им о положении на фронте, о необходимости физической подготовки, изучения военного дела и, конечно же, своей основной профессии. Все сидели за партами вроде тихо, спокойно, и слушали. Вдруг парень за последней партой встал, прошёл через весь класс, подошёл к другому, сидевшему за первой партой, напротив учителя, и изо всей силы ударил его по шее. Тот принял удар безропотно, как заслуженный. Не сделал ни одного движения, не издал ни звука. А ударивший спокойно, по-хозяйски, вразвалку прошёл на своё место, сел и, подложив под худой подбородок руки, принял позу прилежного ученика. Михаил смотрел на класс, на этих парней, и не мог решить, как ему среагировать на происшедшее. Он только обратил внимание на лица участников происшедшего. Факт, обычный для этой среды, но он поразил Михаила. – Вот так, – думал он, – одни подавляют других. Откуда берутся эти волки? И почему их боятся?

Сам он не боялся таких людей. И хотя не понимал их, но презирал. А тот, который только что ударил товарища по классу, сидит спокойно, смотрит в глаза Михаилу, и считает, что ничего особенного не произошло.

А вечером к Михаилу подошёл мастер группы и дружески спросил: – Ну как?

– Пока не знаю. Трудно сказать.

– Сегодня вечером я дежурю, приходи. Посмотришь, как я с ними разговариваю.

– Хорошо! – ответил Михаил.

– Приходи в зал.

Закончив уроки, Михаил пошёл в зал. Там стояли три ученика, мальчишки лет по пятнадцать, и дежурный мастер. Было видно, что между ними ведётся нелюбезный разговор.

– Итак, приступайте к работе, – отрезал мастер и сделал шаг к двери, чтобы уйти.

– Я сказал, что полы мыть не буду, – запальчиво крикнул один из парней уже в спину мастеру.

– А я сказал, что будешь, – ещё более резко ответил тот и, повернувшись к парню, в упор смотрел на него.

– Посмотрим, – угрожающе прошептал ученик и злобно глянул на мастера.

Мастер, высокий, плечистый мужчина лет сорока, недавний фронтовик, подошёл к парню и, мёртвой хваткой взяв его за шею, подтащил к ведру, до краёв наполненному водой, и ткнул его головой в воду. Раз, другой, третий... Мальчишка, захлёбываясь, замахал руками и закричал:

– Буду, буду, буду!

– Вот так. – Мастер, как щенка, отбросил парня от себя и, уходя из зала, сказал:

– Через час зайду, чтоб в зале был полный порядок.

Следом за ним вышел Михаил.

– Понял? – не глядя на Михаила, сказал мастер.

Михаил молча прошёл мимо него в учительскую. Настроение было прескверное, будто его самого головой в грязное ведро с водой окунули. Спустя месяц он убедился, что здесь работать не сможет. Не его это дело.

По дороге домой он размышлял о себе, о жизни, и с грустью приходил к выводу, что ничего-то

хорошего у него не получается. Всё кувырком. Идёт наощупь, всё время спотыкается и больно расшибает нос. Если б только нос, а то всё больше ранится душа. Чуть прикоснись неосторожно – боль. И в эти грустные минуты пришло решение пойти завтра в редакцию областной газеты «Кузбасс» и предложить свои стихи. – А что именно предложить? – спросил он себя. Предлагать-то особенно нечего. Много стихов, написанных в детстве, – это не годится. Стихи о войне не доработаны – это пока, скорее, наброски. А вот лирических много, можно что-нибудь подобрать.

Михаил начистил свой военный костюм, подшил белоснежный подворотничок к френчу, до блеска надраил хромовые сапоги, оделся. Из зеркала на него смотрел молодой, довольно красивый парень, чем-то напоминавший ему офицера царской армии, которых он видел в кино, на старых фотографиях из семейного альбома, на картинах. Своим видом остался доволен. Подойдя к редакции, он невольно подтянулся. И, хотя до войны несколько раз бывал здесь на собраниях литературной группы, сейчас волновался. В здание вошёл с трепетом, словно в священный храм. Он не только хотел предложить свои стихи. Главное, ему захотелось увидеть живого поэта, Алексея Косаря. В газете часто появлялось это имя то под стихами, то под очерками. Многие стихи А. Косаря Михаилу нравились, хотя чувствовалось сильное влияние Маяковского. А для Михаила Маяковский не был кумиром. Не нравилась его знаменитая лесенка, грубый стиль. Ну как можно так говорить о поэзии, как Маяковский?!

Но поэзия –

пресволоочнейшая

штуковина:

существует – и ни в зуб ногой. / VI-49/.

Ему навсегда запомнились слова Гоголя о поэзии. И эти слова были критерием для Михаила. «Родник поэзии есть красота. При виде красоты в человеке

возбуждается чувство хвалить её, песнословить и петь, – хвалить такими словами, чтобы и другой почувствовал красоту им восхваляемого. Поэт только тот, кто более других способен чувствовать красоту творения».

– Может быть, я когда-нибудь изменю свой взгляд на Маяковского, дорасту, пойму, а пока – нет, не принимаю, – так самокритично размышлял он.

В редакции на вопрос, где можно увидеть Алексея Косаря, ему показали на дверь с надписью «Отдел промышленности».

– Странно, – подумал Михаил и постучал в дверь.

– Входите, входите, – раздался из комнаты молодой, радушный голос.

Михаил вошёл. Вся маленькая комната заставлена письменными столами. За одним из них сидел уже немолодой человек в военной форме с причёской под «ёжика», и, как показалось Михаилу, с таким же выражением лица.

– За другим, – решил он, – сидит Косарь.

– Мне бы хотелось увидеть товарища Косаря, – сказал Михаил.

Из-за стола вышел молодой, очень высокий элегантный мужчина. Обращали внимание его высокий лоб, манеры аристократа.

– Я – Алексей Косарь, садитесь, пожалуйста.

Сели. Михаил внимательно разглядывал собеседника.

– Вот, – думал он. – Именно таким представлялся ему Косарь.

Михаил назвал и, со свойственной ему скромностью, даже застенчивостью, сказал, что хотел бы предложить в газету свои стихи. А. Косарь взял в руки школьную исписанную тетрадь и долго внимательно читал. Потом поднял на Михаила свои серые умные глаза, в которых была искренняя заинтересованность молодым автором, похвалил: «Хорошо! Просто хорошо! Я предложу редколлегии. Думаю, что некоторые опубликуем».

Потом он с интересом расспрашивал о жизни, о работе, спросил, где живёт...

Из редакции Михаил выходил с таким чувством, будто ему крылья приделали, будто хлебнул глоток живой воды.

Через неделю, в среду состоится собрание литературного объединения. Эти собрания так и называются – «Среда». Алексей пригласил Михаила на собрание. – Если захотите, – почитаете и Вы, – сказал он в заключение.

Неделя пробежала быстро. И вот он на литературной среде. За столом, председательствующим, сидел её руководитель А. Косарь. Как всегда, элегантный, обаятельный и недоступный.

Сначала пожилая женщина прочитала свой рассказ. Он показался Михаилу слабым, непрофессиональным. Потом начал читать свои стихи совсем молодой человек Л. Даен. Его стихи понравились Михаилу. Автор вполне владел стихосложением, писал искренно, с чувством. Пришлись по душе стихи уже немолодого автора, недавно вернувшегося из стройбата, где он проработал всю войну, а теперь был литературным сотрудником в редакции.

– Это настоящие стихи, – думал Михаил, слушая их.

В конце Алексей попросил Михаила почитать что-нибудь своё. И он, смущаясь, прочитал стихи о любви. Во время чтения стояла такая тишина, что тихий, мягкий голос Михаила звучал для него неестественно громко. А когда закончил, минутная тишина показалась ему вечностью. Тишину эту нарушил самый старший член объединения В. Пинаев. Инженер-строитель, он был настоящим поэтом. Тихо, но внушительно он сказал: «Думаю, у нас появился хороший лирик. Поздравляю Вас», – обратился он к Михаилу. И в глазах его блеснула искренняя радость.

Когда собрание закончилось, к Михаилу подходили и подходили незнакомые ему люди, от

души поздравляли. Когда называли свои имена, то оказалось, что многие ему знакомы по газете. У Михаила кружилась голова от счастья. Наконец, он попал в тот мир, к которому стремилась его душа. Он среди тех, кто любит поэзию, понимает её, живёт в её мире. Недаром кто-то из мудрецов сказал: «Есть радости, которыми могут наслаждаться только поэт с поэтом, сердце с сердцем».

– Михаил, задержитесь на несколько минут, – сказал А. Косарь, когда все стали расходиться. И когда они остались наедине, неожиданно предложил: «Переходи работать к нам в редакцию».

– Как? – растерялся Михаил.

– А так, напиши очерк о своём училище, покажешь редактору – и всё. Будешь работать. У тебя получится, вот увидишь.

Домой летел как на крыльях. Наконец-то судьба улыбнулась и ему. Всю следующую ночь он просидел над очерком. И, как показалось ему, получилось неплохо. Унёс и отдал Алексею. Через несколько дней «очерк» в виде небольшой информации появился в газете. А. Косарь хорошо поработал над ним. Вместо газетного подвала – заметка.

Через некоторое время после опубликования его маленького материала в редакции газеты «Кузбасс» появился новый литературный сотрудник – Михаил Небогатов.

Внешне он обращал на себя внимание не только женщин, но и мужчин. Выше среднего роста, стройный, всегда подтянутый, с красивым благородным лицом. Военный костюм, в котором он ходил на работу, подчёркивал широкие развёрнутые плечи, сильные стройные ноги.

С тех пор многие молодые женщины в редакции потеряли покой. С ним было так просто. Можно было подойти к нему в любую минуту и заговорить, и он обязательно ответит лучезарной улыбкой, вниманием. Мягкость и лиричность были во всём его облике. С Алексеем Косарем работал в одном отделе. Видя стеснительность, застенчивость и даже некоторую

робость в новом литсотруднике, Алексей часто говорил Михаилу:

– Ты, когда идёшь за материалом, оставляй свою застенчивость и мягкость в редакции, вот здесь, – указал он на стул. – Заходи к директору завода, садись вот так /при этом он сел на стул с важным видом, нога – на ногу/ и, свысока глядя на него, начинай беседу. Ты – журналист. Одним словом, знай себе цену. Пишешь ты хорошо. Посмотри, сколько наград с фронта привёз. Надо знать себе цену, понял?

– Хорошо, – согласился Михаил. – Только я так не умею. Я имею в виду, вот так сидеть.

– Учись. В общем, больше достоинства, смелости и вообще...

И работа с первых дней пошла на лад. Часто случалось, что всю ночь напролёт пишет материал в номер. В пепельнице – гора окурков, на столе – гора забракованных исписанных листов. Но материал напечатан, готов в номер. Прямо из-за рабочего стола, не отдохнув ни минуты за ночь, – в редакцию на целый день. Вдохновляло и то, что почти каждое воскресенье газета давала литературные страницы, а в ней обязательно стихи М. Небогатова. Ещё неясная, неоформившаяся мечта, к которой рвалась душа все прожитые годы, казалась близка к осуществлению. Он на пути, к которому шёл так долго.

Жил по-прежнему у сестры. Целый день дом на замке. Сестра и он на работе, дети в школе. Однажды, вернувшись из редакции, он увидел, что входная дверь открыта. «Странно, – подумал он, – Надя на работе, обещала придти поздно». А когда вошёл в дом, то увидел там такой кавардак, что за голову схватился. Было перевернуто всё вверх дном. Он вошёл в свою маленькую комнатку, и там было такое же. Приглядевшись, он увидел, что из дома исчезло всё более или менее ценное. Оказалось, что нет даже иконы, которой мать благословляла его, провожая в армию.

– Там, на фронте, люди гибнут, жизни своей не щадят, а эти... Кто они? Как можно понять их? Ведь у нас и братья-то нечего.

Он сидел на табуретке посреди комнаты, когда пришла сестра.

– Это что, Миша? – глядя на ералаш, спросила она.

– Воры, наверно.

А Надя – удивительный человек. Её ничем нельзя расстроить, огорчить.

– Ничего, Миша, бывает хуже, не горюй. Будем жить, всё будет. У нас и братья-то нечего. А у них, наверно, и этого не было. Пусть.

– Да, Надя – удивительный человек, – в сотый раз подумал о сестре Михаил. – Никакое горе ей нипочём. Войдёт – словно солнышко засветит. В любой самой мрачной комнате станет светлее. Работает, не покладая рук, иногда в две смены. А всего богатства – одно платье. Вечером постирает, утром погладит – и на себя. И всегда нарядна, ей всё к лицу.

Высокая, статная, с приветливым, добрым лицом, она обладала удивительным свойством – нравиться всем: и мужчинам, и женщинам. А счастья – ни на грош. Вышла замуж в шестнадцать лет. А в двадцать с небольшим – вдова с двумя детьми да престарелая мать на руках. Но ни разу, ни одному человеку не удалось увидеть Надю с грустью в глазах.

Михаил всё-таки лёг спать расстроенным. Трудно сказать: то ли он крепко уснул, то ли просто впал в забытьё, он вдруг почувствовал, что на него будто кто-то лёг, навалился большой тяжестью. Отчётливо подумал, что где-то, когда-то слышал, что это – домовой, и что в таких случаях следует спросить: «К худу это или к добру?». И он в растерянности даже не спросил, а только подумал, задавая вопрос домовому: «Какая будет моя жизнь?». И в ответ кто-то мрачно словно выдохнул: «Никудышная».

Он совершенно очнулся и сел. Что это? На душе было очень неприятно. Он накинул рубаху, брюки, и пошёл в комнату к сестре. Рассказал.

– Да это же домовой, – рассмеялась Надя. – Только врёт ведь он. Всё у тебя будет хорошо. Вот увидишь. Иди, спи, – ласково сказала она.

Этот сон (или явь?) запомнился на всю жизнь, до мельчайших подробностей. И что самое удивительное, он оказался пророческим.

Как-то утром Алексей сообщил: редактор просит, чтобы ты сделал материал о Василии Лыкове. Знаешь его?

– Не знаю, но слышал о нём. Это лётчик, Герой Советского Союза. Недавно вернулся с фронта. Кажется, без ноги.

– Да, всё верно. Постарайся с ним встретиться, если можно, сегодня. Надо побыстрее сделать материал. Редактор хочет видеть тебя.

– Да я бы тоже не прочь увидеть редактора. Работаю уже почти два месяца, а он меня в глаза не видел, а я его – только издалека.

– К материалу о Герое надо отнестись с особой ответственностью, – размышлял Михаил, – он должен решить мою судьбу. Оставят в редакции или нет. Насколько я понял, эти два месяца были испытательным сроком.

Встреча с Героем Советского Союза Василием Лыковым состоялась неожиданно быстро. Оказалось, что достаточно было позвонить на завод, где он работает конструктором, и заходи к нему в любую минуту.

Василий Михайлович Лыков оказался почти ровесником Михаила. Это высокий красивый молодой человек с мужественным, типично русским лицом. Несмотря на протез, он почти не хромал. О себе рассказывал скупно, застенчиво. Глядя на него, Михаил думал: «Ну что я буду писать о нём, ведь ничего интересного о себе не рассказал». Но вдруг во время их беседы в комнату вошёл мужчина средних лет и просто, раскованно представился: «Я главный конструктор завода. Услышал, что пришли к Лыкову, чтобы написать о нём. Вот и зашёл, может, чем помочь». И начал, и начал говорить о Лыкове. И о

том, какой он талантливый конструктор, и о его боевых подвигах. Обо всём знал конструктор. Михаил едва успевал записывать. Эпизоды из военной жизни были такие, что он мог быть и дважды, и трижды Героем. Каждый его полёт был подвигом.

– Вот тут есть где разгуляться, – думал Михаил по дороге в редакцию. Есть о чём писать.

В эту ночь он совсем не ложился спать. К утру очерк о Лыкове был готов. Через несколько дней после опубликования очерка о Лыкове его, наконец, пригласил к себе редактор.

– Я пойду с тобой, – сказал Алексей.

Косарь без стука открыл дверь редакторского кабинета и, пропуская Михаила, сказал: «Заходи, Михаил Александрович!».

Кабинет редактора представлял собой огромную комнату. – наших, примерно, шесть, где мы сидим втроём, – невольно подумал Михаил.

– Здрасьте, Арсен Арсеныч! – сказал Алексей.

– Здравствуйте! – поприветствовал редактора Михаил.

Редактор не ответил. Потом, приподняв густые тёмные брови, за которыми не были видны глаза, небрежно спросил: «Что это?».

– Это новый литсотрудник в нашем отделе. Вы просили зайти, – пояснил Косарь.

– Ну и что?

– Ну, Ваше мнение о его работах и вообще...

Арсен Арсеныч ещё раз поднял свои густые брови, и на Михаила уставились маленькие, чёрные как угли, глаза, не выражающие ничего кроме равнодушия. А потом, вдруг подобрев, сказал: «Материалы Небогатова мне нравятся. Хорошие материалы. Работайте».

Так М. Небогатов стал работать в областной газете «Кузбасс», ставшей ему родной на всю жизнь. Посвятив себя творческой работе, довольно рано став членом Союза писателей, одним из самых популярных литераторов Кузбасса, Михаил Александрович мучительно искал ответ на свой вопрос: правильно ли

я живу? Тем ли делом занимаюсь? Как же всё-таки научиться правильно, хорошо жить?

В эти вопросы он вкладывал глубокий смысл, а поводом для их возникновения была вся нелёгкая жизнь во всё её многообразии. И хотя успел издать пятнадцать книг, много публиковался в центральных российских журналах, получал массу писем от поклонников своего таланта, его работе была дана высокая оценка уважаемых литераторов России, — ответа на свой вопрос он не успел найти.

*НЕСКОЛЬКО ФОТОГРАФИЙ ИЗ ГУРЬЕВСКОГО
КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ ВМЕСТО
КОММЕНТАРИЯ:*

М. А. НЕБОГАТОВ
КЕМЕРОВО, 1945 г.

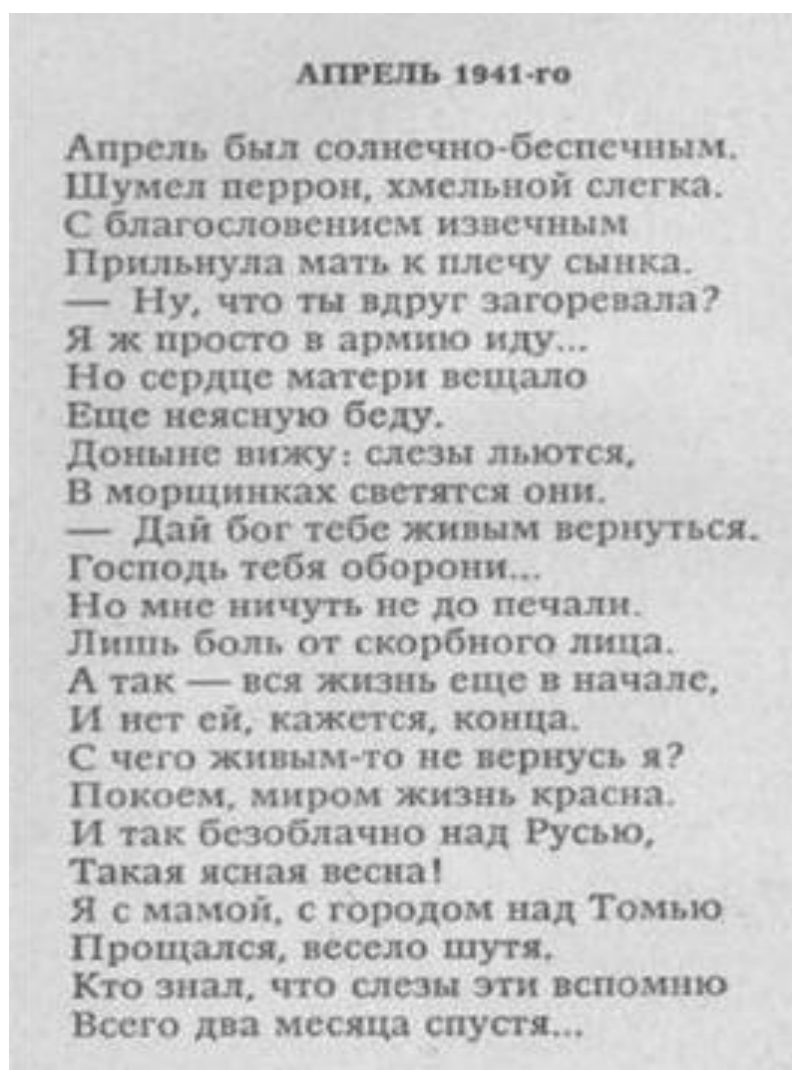

ПРИМЕЧАНИЕ: Снимки в музее сделала Н. Инякина во время поездки в Гурьевск, на малую родину отца, в июле 2006 года.

*** – ПОПРАВКА:

На странице 17 допущена ошибка, которую я, перепечатывая текст с рукописи, не заметила. Мария Ивановна пишет: «Весной 1940 года пришла повестка. Надо идти в армию...».

А папа, насколько мне известно из его биографии, ушёл в армию в апреле 1941 года. У него даже есть стихотворение с таким названием – «Апрель 1941-го».

*Стихотворение из книги «Вечерние огни»
1989 года издания*

Нина Инякина, сентябрь 2011 г.

*Литературно-художественное
издание*

Нина Михайловна Инякина

ЧТОБЫ ЗНАЛИ И ПОМНИЛИ...

Часть 7-я:

КАК НАУЧИТЬСЯ ЖИТЬ? /

Неопубликованная рукопись вдовы
поэта Марии Ивановны Небогатовой
о его детстве и юности

Нина Инякина. ЧТОБЫ ЗНАЛИ И ПОМНИЛИ...
Часть 7-я: «**КАК НАУЧИТЬСЯ ЖИТЬ?**» /
Неопубликованная рукопись вдовы поэта Марии
Ивановны Небогатовой о его детстве и юности. –
Кемерово, 2007 – 2011. – 41 с.: ил.

